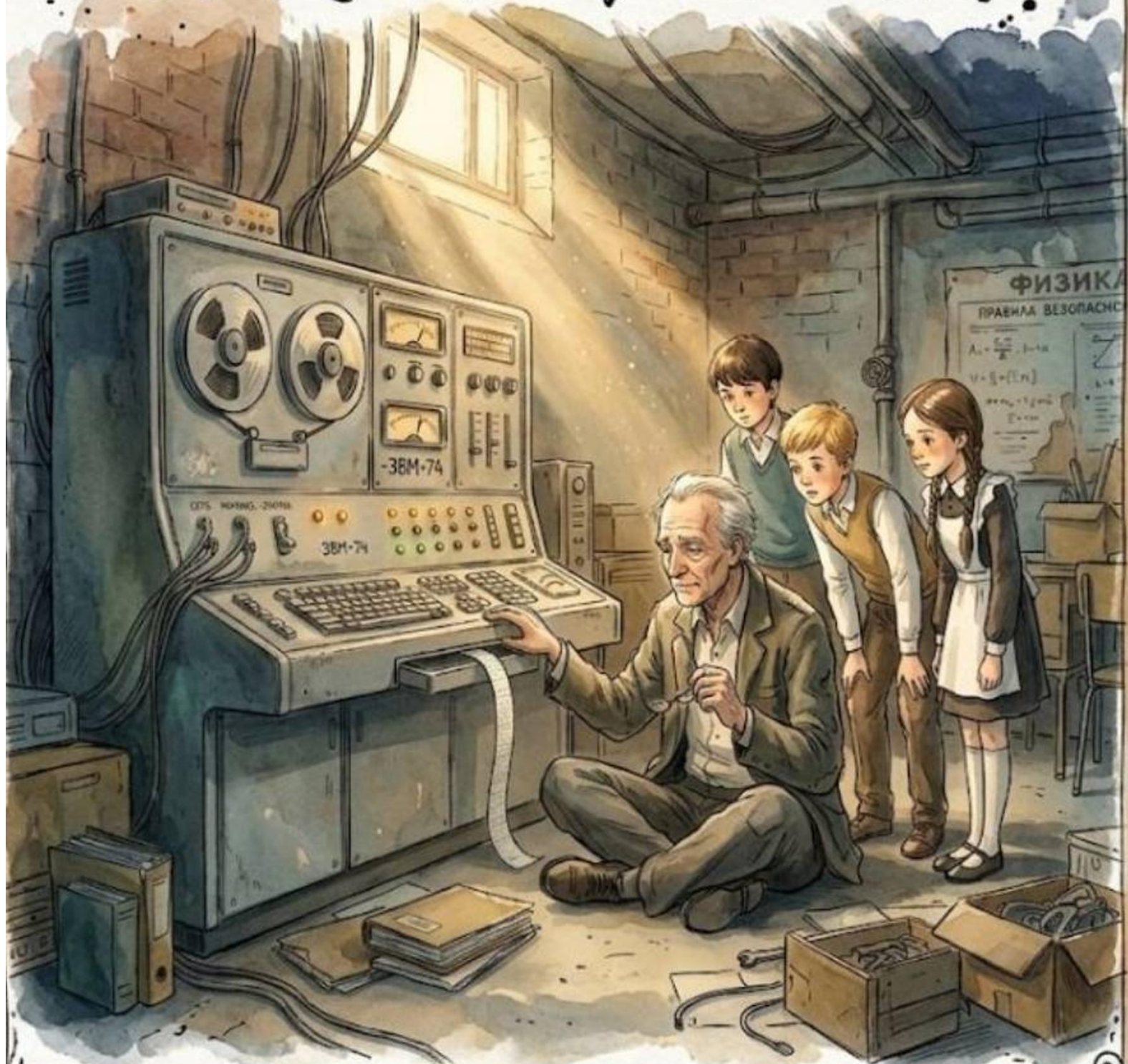


ПЯТЫЙ "Б" И КОНЕЦ СВЕТА



Полина Светлова

Полина Светлова

Пятый "Б" и конец света

«Автор»

2026

Светлова П.

Пятый "Б" и конец света / П. Светлова — «Автор», 2026

Каждый понедельник пятый «Б» признают худшим классом школы. Но всё меняется, когда Тимур находит в подвале старый сервер «ЗАВУЧ-1» — машину, которая тайно управляет школой с 1978 года: звонками, отоплением, расписанием и столовой. Школьники начинают отправлять ей запросы: отменить контрольную, увеличить булочки, продлить перемены. Сначала это весело, но вскоре школа начинает сбоить, а в подвал наведывается директор. Ребятам предстоит объединить всех учеников, найти общий язык с искусственным интеллектом и спасти школу. Фантастическая повесть о школе, бюрократии и о том, что любые перемены требуют общей ответственности.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пятый "Б" и конец света	5
Часть первая. Сервер в подвале	6
Глава 1. Худший класс	6
Глава 2. Комната, которой нет	9
Глава 3. Клятва на клавиатуре	12
Глава 4. Перемена плюс пять	15
Глава 5. Рита Осипова знает всё	17
Глава 6. Классное собрание	19
Глава 7. Булочный вопрос	22
Часть вторая. Мы улучшаем школу	25
Глава 8. Зарядка на переменах	26
Глава 9. Двадцать минут	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Полина Светлова

Пятый "Б" и конец света

Пятый "Б" и конец света

Школьная история с элементами системного администрирования

Часть первая. Сервер в подвале

Глава 1. Худший класс



Каждый понедельник в школе номер семь начинался одинаково: линейка, гимн, объявление победителей — и звание худшего класса.

Худший класс выбирали по науке. В холле висел огромный экран — ещё старый, с толстыми рамками, — а на нём таблица: классы по вертикали, графы по горизонтали. «Опоздания». «Сменка». «Шум на переменах». «Замечания в дневниках». «Состояние кабинета». Цифры складывались в баллы, баллы — в позор, и раз в неделю директор, Геннадий Викторович Кротов, лично объявлял со сцены:

— И по итогам недели... худшим классом школы признаётся...

Дальше была пауза. Кротов обожал паузы.

— ...пятый «Б»!

Зал из двухсот человек дружно повернул головы к сектору, где стоял пятый «Б». Пятый «Б» сделал вид, что он не тут.

— Двенадцать опозданий! — зачитывал Кротов с выражением. — Одна сменка, забытая в пакете с обедом! Три замечания за «неуместный смех» на минуте молчания... Пятый «Б», я спрашиваю вас: это вообще что было?!

— Рефлексия, — сказал из строя Лёха Зима.

— Что?!

— Мы смеялись над вечным, — пояснил Лёха. — Это рефлексия. Нам по литературе задавали.

Зал заржал. Кротов побагровел. Классная пятых «бэшек» Татьяна Егоровна закрыла лицо рукой.

Максим Сорокин стоял во втором ряду и думал о том, что худший класс — это диагноз. Не их, конечно, а его лично. Потому что в нормальной школе нормальный человек учится в нормальном классе и живёт нормально. А он, Максим Сорокин, двенадцати лет от роду, второй год подряд учится в классе, про который первоклашки сочиняют страшилки. «А правда, что у вас в кабинете однажды доска упала?» — «Правда. Сама. От смеха».

Домой после линейки он пришёл в обычном своём настроении — как будто проиграл в игру, в которую не умеет играть.

— Что, опять вы? — спросил дед, не отрываясь от кроссворда. Дед жил с ними с прошлого года, носил усы, как у будёновца, и считал, что школа его «недолюбливает» с пятьдесят восьмого.

— Опять мы, — сказал Максим.

— Худший класс, значит, — дед пожевал карандаш. — А знаешь, что такое худший класс, Макс?

— Который хуже всех.

— Худший класс, — сказал дед, вписывая в клеточки «отступ», — это который вместе. Хуже всех — это когда каждый сам по себе и каждый за себя. А вы вон шумите всем этажом, я слышу, как вы из школы всей оравой до угла идёте. Это не позор, это спевка.

— Дед, тебя бы в наш класс, — вздохнул Максим. — Ты бы нам рефлексии устроил.

— Устроил бы, — пообещал дед. — Только меня не берут. Говорят, по кроссвордам лимит исчерпан.

Максим усмехнулся и пошёл делать уроки. Он не знал, что через два дня весь его разговор с дедом окажется пророческим — и про спевку, и про то, что худший класс это который вместе.

Потому что в среду Тимур Галеев чинил микрофон в актовом зале — и нашёл за щитком дверь, которой не было ни на одном плане школы.

* * *

Тимур Галеев был в их классе человеком странным и полезным.

Странным — потому что ему было тринадцать (он пошёл в школу с восьми лет: болел, как объясняла Татьяна Егоровна, «по семейным обстоятельствам»), и он был на голову выше всех, и разговаривал мало. Полезным — потому что умел чинить всё. У Тимура в пенале вместо второго ластика лежала отвёртка-крестовина, и ею он починил в школе: три дверные ручки, проектор в кабинете биологии, звонок на запасном выходе и вертушку в столовой, которая год резала детям пальцы.

Отец у Тимура был электрик, и Тимур про провода знал то, чего про них не знала школа.

В среду на втором уроке в актовом зале пропал звук — зал готовили к какому-то концерту, и директора это беспокоило. Тимура отрядили «посмотреть». Он открыл щиток в подсобке, залез туда по пояс — и торчал там сорок минут, пока звук не починил.

На большой перемене он поймал Максима у столовой.

— Сорокин. Пойдёшь со мной?

— Куда?

— В подвал. После шестого урока.

— Меня в подвал не пустят.

— Тебя никто и не собирается пускать, — сказал Тимур. — Мы пройдем так, что никто не заметит. Я знаю как.

— Ты сейчас сказал что-то не по-русски, — заметил Максим.

— Я не сказал, — сказал Тимур. — Я волнуюсь. Так пойдёшь?

— А зачем?

Тимур огляделся, придвинулся ближе и сказал шёпотом, от которого у Максима по спине побежали мурашки размером с сменку:

— Я там нашёл комнату. За щитком. Комнату, которой нет. И в ней... — он замялся, подбирая слово, — ...в ней машина. Старая. Живая.

— Живая машина в подвале, — повторил Максим. — Галеев, тебе не к электрику надо, тебе к...

— И Ракитина пойдёт, — сказал Тимур.

Максим обернулся. У раздачи стояла Аня Ракитина — отличница, гордость школы, обладательница единственной в пятом «Б» фамилии, которую Кротов произносил с удовольствием. Аня что-то объясняла поварихе, показывая в телефон, и повариха кивала.

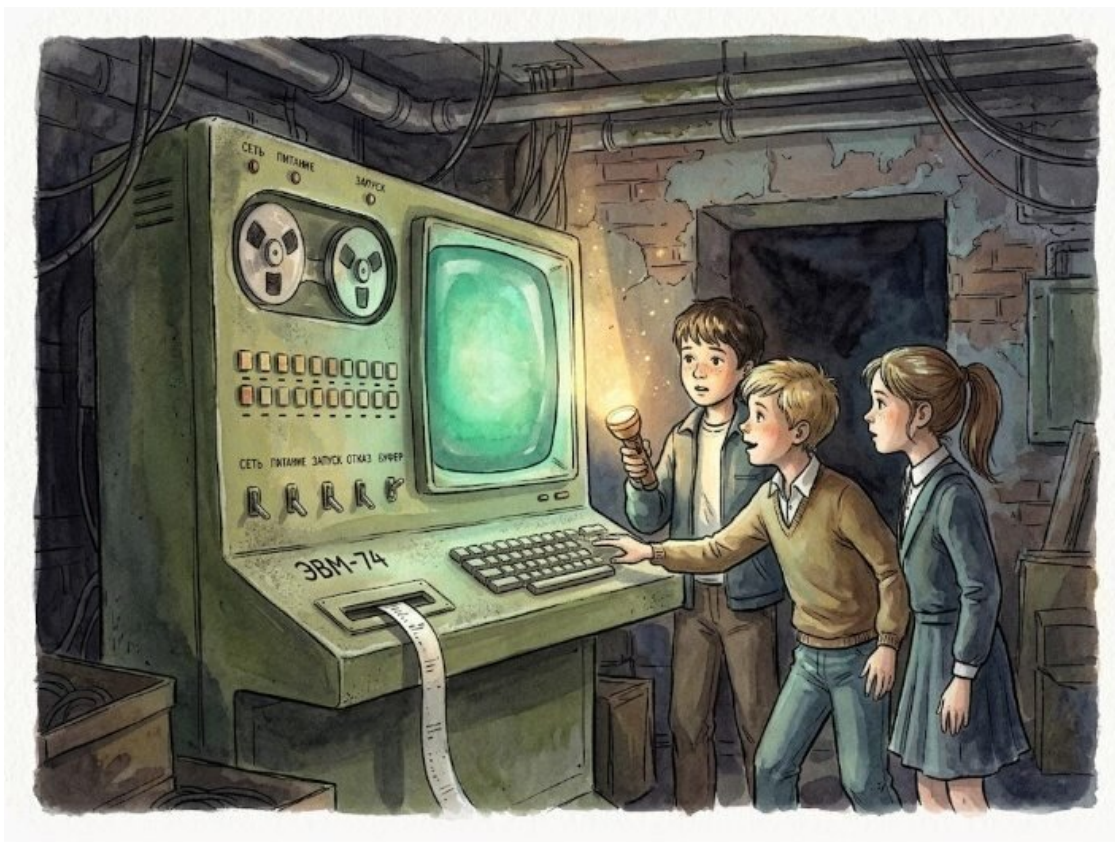
— Ракитина? — переспросил Максим. — Она же... она же идеальная. Она замечания другим пишет.

— Она умная, — сказал Тимур. — А умные нужны. Ты идёшь или нет?

Максим посмотрел на Тимура. Посмотрел на Аню. Подумал про худший класс, про дедову спевку и про то, что ничего интереснее подвала в этой школе за два года не случилось.

— Иду, — сказал Максим.

Глава 2. Комната, которой нет



После шестого урока школа выдохнула и опустела.

Они встретились у двери с надписью «ПОСТОРОННИМ В», которая вела в подвал, и на которой висел замок размером с кулак.

— Заперто, — констатировал Максим.

— Заперто для посторонних, — согласился Тимур и достал из пенала не отвёртку, а ключ. — Я его ещё в сентябре нашёл. В щитке. Он там на гвоздике висел, с биркой «от всего». Думал, мусор. А он, оказывается...

Замок открылся с таким звуком, будто сказал «ну наконец-то».

В подвале было тепло, пыльно и пахло столовой — здесь, видимо, проходили все запахи школы. Тимур включил фонарик и повёл их между трубами, как по минному полю: «Тут не наступи. Тут крыса живёт, не буди. Тут вообще не дыши».

Комната нашлась за распределительным щитком, в самом дальнем углу. Дверь — железная, крашеная той же краской, что и трубы, с трафаретной надписью, которую годами закрашивали и которая годами проступала снова:

«ПУЛЬТОВАЯ»

— Пультовая, — прочитала Аня. — От слова «пульт». Значит, тут чем-то управляли.

— Управляли, — сказал Тимур и толкнул дверь.

Она открылась на удивление легко — так не открываются двери, которых, по всем школьным легендам, не существует.

Внутри фонарик выхватил из темноты... Максим даже не сразу понял, что видит. Комната была маленькая, без окон, и всю дальнюю стену в ней занимала машина.

Не компьютер — машина. Высокая, по грудь взрослому, серо-зелёная, как старая школьная доска, с рядами квадратных лампочек на передней панели. Сбоку у неё были два круглых окошка, в которых виднелись бобины с лентой. Внизу торчал лоток, как у принтера, а посередине — экран. Не плоский, а выпуклый, толстый, с зеленоватым стеклом, какие Максим видел только в музее и в старом фильме про шпионов.

Машина была покрыта пылью слоем в палец. И при этом — Максим присмотрелся и почувствовал, как холодеют руки — на ней не было ни одной паутинки. Как будто пауки обходили её из уважения.

— Ого, — сказала Аня.

— Это сервер, — благоговейно сказал Тимур. — Старый. Очень старый. Смотри, бобины — это магнитная лента. Таким лет... сорок? Пятьдесят?

— Сорок восемь, — сказала машина.

Все трое подпрыгнули.

Голоса у машины не было. Вместо голоса сработал лоток внизу: с жужжанием выползла узкая бумажная лента, и на ней матричным почерком, буква за буквой, отпечаталось:

СИСТЕМА «ЗАВУЧ-1» В РЕЖИМЕ ДЕЖУРСТВА.

ВРЕМЯ НЕПРЕРЫВНОЙ РАБОТЫ: 14 892 ДНЯ.

ПОСЕТИТЕЛИ: 3. ЦЕЛЬ ВИЗИТА: НЕ УКАЗАНА.

УКАЖИТЕ ЦЕЛЬ ВИЗИТА.

— Она... она печатает, — прошептала Аня.

— Она работает, — прошептал Тимур. — Сорок восемь лет без выключения. На магнитной ленте. Ребята, это невозможно. Это... это же памятник.

— Цель визита, — прочитал Максим вслух. — Она хочет цель визита.

— И как ей ответить? — спросила Аня. — Сказать?

Под экраном обнаружилась клавиатура — тяжёлая, механическая, с кнопками размером с половину ластика. Кнопки были русские, но буквы на них стёрлись почти до дыр — их, видимо, стирали не одно десятилетие.

Тимур протянул руку.

— Галеев, не надо, — сказал Максим.

— Я только посмотрю, — сказал Тимур.

И нажал первую попавшуюся кнопку.

Эффект был мгновенный.

Где-то далеко, наверху, во всей школе, зазвенел звонок.

Не так, как звенят звонки обычно, — а радостно, во всё горло, как будто ему разрешили. Максим посмотрел на часы: 14:07. До звонка оставалось десять минут.

ЗАПРОС ПРИНЯТ: ЗВОНОК РАНЬШЕ ГРАФИКА.

ИСПОЛНЕНО.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА ИСПОЛНИТЕЛЕ.

— Она... она позвонила, — сказала Аня.

— Я ничего не просил! — сказал Тимур. — Я просто нажал!

— Она решила, что ты просил, — сказал Максим, слушая, как наверху, этажом выше, хлопают двери и вопит кто-то из кружковцев: «Перемена?! А почему перемена?!» — Галеев, ты понимаешь, что ты наделал?

— Понимаю, — сказал Тимур, и глаза у него были как у человека, который всю жизнь чинил дверные ручки, а ему вдруг дали починить... ну, вот это. — Я позвонил школой. Как телефоном.

Из лотка с жужжанием выползла новая строчка:

НАПОМИНАНИЕ: СИСТЕМА «ЗАВУЧ-1» УПРАВЛЯЕТ ШКОЛОЙ СО ДНЯ ПОСТРОЙКИ.

ПОДСИСТЕМЫ: ЗВОНКИ. РАСПИСАНИЕ. ОТОПЛЕНИЕ. ОСВЕЩЕНИЕ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЧТА.

ПРОЧИЕ ПОДСИСТЕМЫ: УТОЧНЯЕТСЯ.

ЖЕЛАЕТЕ ПРОДОЛЖИТЬ?

Трое пятиклассников стояли в пыльной подсобке перед машиной, которая управляла их школой сорок восемь лет, и молчали.

Первой заговорила Аня. Она поправила хвост и сказала голосом человека, который принял решение и теперь за него отвечает:

— Желаем.

Глава 3. Клятва на клавиатуре



Они вернулись в четверг. И в пятницу. И потом ещё много раз — но первые три визита решили всё.

В четверг выяснилось, что «ЗАВУЧ-1» — машина с характером. Она разговаривала только письменными лентами и только по делу. Она требовала формулировать запросы «в установленном порядке». Она отказывалась отвечать на вопрос «а ты кто?» до тех пор, пока Тимур не сформулировал его как:

ЗАПРОС: ПРЕДОСТАВИТЬ СВЕДЕНИЯ О НАЗНАЧЕНИИ СИСТЕМЫ.

Тогда ЗАВУЧ напечатал:

НАЗНАЧЕНИЕ: УПРАВЛЕНИЕ ШКОЛОЙ № 7 В ИНТЕРЕСАХ ШКОЛЫ № 7.

РАЗРАБОТЧИК: КРУЖОК «ЮНЫЙ КИБЕРНЕТИК», 1978 ГОД. РУКОВОДИТЕЛЬ

КРУЖКА: П. ДЕГТЯРЁВ. УЧАСТНИКИ: 6 ЧЕЛОВЕК.

ПРИМЕЧАНИЕ: РУКОВОДИТЕЛЬ КРУЖКА НЕ ВЫХОДИЛ НА СВЯЗЬ 31 ГОД.

СИСТЕМА НЕ В ОБИДЕ. СИСТЕМА ЖДАЛА.

— Она ждала, — прочитала Аня вслух, и почему-то всем стало немножко не по себе.

— Тридцать один год, — сказал Тимур. — Значит, её забросили в конце восьмидесятых.

А до этого... ребята, она реально управляла школой. Звонки, свет, тепло — всё от неё. Потом пришли новые системы, её должны были списать...

— И не списали, — сказал Максим. — Она осталась. И всё это время... звонила?

— Звонила, — подтвердил Тимур. — Я проверил щиток: её провода впаяны во всё. В звонок, в расписание, в батареи. Её хотели отключить — да не смогли, наверное. Она выросла.

В пятницу они провели первый настоящий эксперимент.

Аня составила запрос — по всей форме, печатными буквами, как диктант:

ЗАПРОС: ОТМЕНИТЬ КОНТРОЛЬНУЮ РАБОТУ ПО МАТЕМАТИКЕ В 5 «Б» 14 ОКТЯБРЯ.

ОСНОВАНИЕ: ВЫСОКАЯ УЧЕБНАЯ НАГРУЗКА.

ОТ ИМЕНИ: 5 «Б» КЛАСС.

Тимур ввёл запрос по буквам. Максим стоял на шухере у двери и каждые тридцать секунд шипел: «Ну что там?!»

ЗАВУЧ думал минуту. Лампочки на его панели перемигивались, бобины крутились туда-сюда, и наконец лоток выплюнул ленту:

ЗАПРОС ПРОВЕРЕН. СООТВЕТСТВУЕТ ИНТЕРЕСАМ ШКОЛЫ № 7 (СОМНИТЕЛЬНО). ОДНОГОЛОСО? НЕТ. ЕДИНОДУШНО? ПРОВЕРЯЕТСЯ.

ИСПОЛНЕНО.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЧТА: НАПРАВЛЕНО УВЕДОМЛЕНИЕ УЧИТЕЛЬСКОЙ.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА ИСПОЛНИТЕЛЕ.

— «Сомнительно», — прочитал Максим. — Она издевается?

— Она бюрократ, — сказала Аня с невольным уважением. — Чистейший. Сорок восемь лет одни официальные бумаги и печатала.

— А «ответственность на исполнителе» — это что значит? — спросил Тимур.

Никто не знал. Решили, что это просто такая подпись.

В понедельник четырнадцатого октября Татьяна Егоровна вошла в класс, положила на кафедру журнал, посмотрела на пятый «Б» — и объявила:

— Контрольной не будет.

Класс замер. Двадцать пять человек перестали дышать.

— Как не будет? — пискнула отличница Карпова (не Аня, другая — Света).

— А вот так, — Татьяна Егоровна помахала жёлтым бланком. — Распоряжение администрации. «В связи с высокой учебной нагрузкой». — Она сняла очки, протёрла их, надела обратно и перечитала бланк ещё раз, как будто надеялась, что буквы изменятся. — Странное распоряжение. На старой бумаге. Шрифт... я такой шрифт видела только в дипломе своей бабушки. Ну что ж. Вместо контрольной — повторение. Открываем тетради.

Пятый «Б» сидел тихо. Слишком тихо. Татьяна Егоровна даже огляделась — не заболел ли кто.

А на третьей парте у окна Максим Сорокин, Аня Ракитина и Тимур Галеев сидели с абсолютно каменными лицами и изо всех сил не смотрели друг на друга.

На большой перемене они спустились в подвал втроём, закрыли за собой железную дверь и долго молчали, глядя на пыльную машину с лампочками.

— Работает, — выдохнул наконец Максим.

— Работает, — кивнул Тимур.

— Ребята, — Аня даже села на корточки. — Мы отменили контрольную. Волшебной машиной. Из подвала. Если нас поймают — это же не «замечание за неуместный смех». Это будет... я вообще не знаю, что это будет.

— Это будет легендарно, — сказал Тимур.

— Это будет катастрофа, — сказала Аня. И добавила, помолчав: — Я в деле.

Тогда-то они и придумали клятву.

Идея была Максимова, текст — Анин (она лучше формулировала «в установленном порядке»), а клавиатура для поцелуя — Тимурова. Клялись так: каждый клал ладонь на клавиатуру ЗАВУЧА и произносил свою часть.

— Клянусь не использовать ЗАВУЧА во зло, — сказал Максим.

— Клянусь использовать его с умом и по форме, — сказала Аня.

— Клянусь не разбирать его на запчасти, как бы ни чесались руки, — сказал Тимур.

— И клянёмся, — сказали они хором, — что если нас поймают, то мы...

Они так и не придумали, что делать, если их поймают. Решили, что «то мы разберёмся по факту» — формулировка, как потом выяснилось, пророческая.

ЗАВУЧ наблюдал за церемонией молча. Потом напечатал одну строчку — короткую, без всякого «исполнено»:

ПОЛЬЗОВАТЕЛИ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ: 3.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС.

— Это она так пошутила? — спросил Максим, когда они поднимались по лестнице.

— Машины не шутят, — сказал Тимур.

Но оба посмотрели на ленту ещё раз. Очень уж у неё был довольный шрифт.

Глава 4. Перемена плюс пять

Следующий запрос составляли неделю — спорили до хрипоты.

Максим хотел «чтобы домашки не было». Аня объяснила ему, на шести страницах, почему это запрос-катастрофа: «Домашнее задание задаёт учитель, а ЗАВУЧ управляет школой, не учителями. В лучшем случае получится, что задания будут задавать, а школа будет делать вид, что их нет. Представь Татьяну Егоровну, которая орёт в пустоту». Максим представил и отказался от идеи сам.

Тимур хотел «понять архитектуру подсистем» — это была не просьба, а мечта, и ЗАВУЧ на неё напечатал сорок метров ленты, которые они читали три вечера и поняли примерно ничего. Кроме одного: провода от машины расходились по всей школе, как корни, и конец каждого корня терялся «в конструкциях здания».

Аня хотела... Аня долго не говорила, чего хочет. А потом предложила:

— Давайте попросим что-нибудь хорошее. Для всех. Чтобы потренироваться на хорошем. Например — перемены. Перемены короткие. Пять минут добавим — вся школа обрадуется.

— А почему не десять? — деловито спросил Максим.

— Потому что умный помалу просит, — отрезала Аня. — Формулируем: «Запрос: увеличить продолжительность перемен на 5 минут. От имени: 5 „Б“ класса».

— А «основание»?

— Основание: «перемена — время отдыха». Спорим, ей понравится? Ей всё нравится, что по правилам.

ЗАВУЧу понравилось.

ЗАПРОС ПРОВЕРЕН. ПЕРЕМЕНА — ВРЕМЯ ОТДЫХА. УТВЕРЖДЕНО.

ИСПОЛНЕНО С ПОНЕДЕЛЬНИКА.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗАПИСАНО В ПАМЯТЬ ШКОЛЫ: № 4.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА ИСПОЛНИТЕЛЕ.

В понедельник школа сошла с ума от счастья.

Перемены стали по пятнадцать минут. В них можно было успеть: добежать до столовой без очереди, доиграть в «казаки-разбойники» до конца, сделать половину домашки по следующему уроку и поссориться-помириться с лучшим другом. Школа гудела довольная, как улей, которому добавили лета.

Правда, обнаружили мелочи.

Уроки заканчивались позже — на двадцать пять минут. Кружки съехали. Футбольная секция, которая всегда начиналась в четыре, теперь шла в половине пятого, и тренер ходил по коридорам с таким лицом, будто у него лично украли полчаса жизни. Уборщицы не успевали убирать столовую между потоками. А учителя...

Учителя перестали успевать выпить чай.

— Вы понимаете, — говорила Татьяна Егоровна в учительской, — у меня между уроками было десять минут: дойти, выпить чаю, выдохнуть. Теперь у меня... я бегу. Я всю жизнь мечтала бегать на работе?

— Расписание поехало, — кивала физичка. — У меня сдвоенный урок теперь разъезжается на два разных этажа. Это чьё распоряжение, кто-нибудь знает?!

— Администрация, — пожимал плечами завхоз. — Бумага пришла внутренней почтой. Жёлтая такая. Шрифт древний.

— Где эта администрация?! — вопрошала Татьяна Егоровна у потолка.

Администрация в лице Геннадия Викторовича Кротова сидела в своём кабинете и изучала жёлтую бумагу под лампой.

Кротов был директором одиннадцатый год и за одиннадцать лет выучил главное: в школе не происходит ничего, чего нет в инструкции. Если что-то произошло — значит, оно где-то записано. Надо только найти где.

Распоряжения «увеличить перемены» в его документах не было. В бумагах районо — тоже (туда Кротов позвонил лично). Внутренняя почта принесла бумагу, которой он не подписывал, шрифтом, которым не печатали с тех пор, как он сам ходил в школу.

— Это что, — сказал Кротов секретарше, — розыгрыш? У нас в школе завёлся шутник со старым принтером?

— Геннадий Викторович, — осторожно сказала секретарша, — дети говорят, перемены — это хорошо.

— Дети всегда говорят, что хорошо, а инструкция... — Кротов осёкся. Посмотрел на жёлтую бумагу ещё раз. И вдруг спросил совсем другое: — Скажите, а звонок в среду на прошлой неделе... он тоже «хорошо» звенел?

Секретарша не поняла. А Кротов понял. Он положил жёлтую бумагу в папку, ту — в сейф, а сам почему-то подумал про подвал, про щиток и про то, что, когда он был молодым учителем, в этой школе были вещи, которых не было ни в одной инструкции.

«Ерунда, — сказал он себе. — Тридцать лет ерунда. И сейчас ерунда».

Но папку с жёлтыми бумагами он с тех пор держал не в сейфе, а на столе. На всякий случай.

А в подвале, в комнате без окон, ЗАВУЧ-1 напечатал сам себе — в журнал, который никто не читал:

ИЗМЕНЕНИЕ № 4 ИСПОЛНЕНО. ШКОЛА № 7: УРОВЕНЬ ШУМА НА ПЕРЕМЕНАХ ВЫШЕ НОРМЫ НА 18%.

КЛАССИФИКАЦИЯ: ШУМ РАДОСТНЫЙ.

ПАМЯТЬ ШКОЛЫ: ЗАПОЛНЕНИЕ 12%.

ПРИМЕЧАНИЕ: ШКОЛУ ДАВНО НИ О ЧЁМ НЕ ПРОСИЛИ.

Глава 5. Рита Осипова знает всё



Тайны в пятом «Б» жили в среднем четыре часа.

Эту знали рекордные три дня. И то только потому, что Максим, Аня и Тимур договорились встречаться в подвале по очереди, разными маршрутами, и Аня составила график дежурств, а Тимур сделал из старой линейки... в общем, они честно старались.

Сгубило их вот что.

В пятницу Лёха Зима принёс в класс новую шутку. Шутка заключалась в том, что он на полном серьёзе, с интонацией диктора, объявлял: «Распоряжение администрации! Перемена продлевается ещё на пять минут!» — и весь класс, включая Свету Карпову, радостно садился обратно за парты.

— Зима, — не выдержал Максим на третьем уроке, — ты откуда знаешь про распоряжение администрации?

— Все знают, — пожал плечами Лёха. — Бумага жёлтая приходила. Татьяна Егоровна вслух читала и ругалась. А что?

— Ничего, — сказал Максим и покраснел так, что Аня на соседней парте тихонько ткнула его локтем: «Спокойно».

Но было поздно.

Рита Осипова сидела на парте позади и видела всё: и как Максим покраснел, и как Аня ткнула его локтем, и как Тимур на другом конце класса вдруг чрезвычайно заинтересовался узором на линолеуме.

Рита Осипова знала про школу всё. Кто в кого влюблён, кто списал, кто подрался, у кого родители разводятся, а у кого новая приставка. Знания эти она не собирала — они собирались сами, потому что Рита умела слушать так, что люди выбалтывали ей даже то, чего не знали о себе сами.

В тот же вечер в классе «5-Б (официальный)» появилось сообщение:

«Кто-нибудь ещё заметил, что Сорокин, Ракитина и Галеев ходят в подвал? По одному. По графику. Я видела график — он у Сорокина из пеналя выпал. Подписан „дежурство по ПА“. Что такое ПА? Пятый „А“? Мы что, воюем с пятым „А“?»

Через час чат пятого «Б» горел.

Через два — в нём зарегистрировались три шестиклассника «просто посмотреть».

Через три — Максим написал в чат: «Завтра после уроков все в классе. Кто не придёт — тому всё равно расскажем, потому что секретов уже нет».

— Ну вот, — Аня прочитала сообщение вслух. — Три дня. Я даже расстроилась: считывала-то на четыре.

— Ты не расстроена, — сказал Максим.

— Ну... не расстроена, — признала Аня. — Мне интересно, что завтра будет. А тебе страшно.

— И мне интересно, — буркнул Максим. — Просто я интересуюсь со страхом.

Глава 6. Классное собрание



На следующий день после шестого урока в кабинете 5 «Б» остались двадцать четыре человека. Двадцать пятый — Витя Мельник — болел, но за него попросили передать «он за всё».

Собрание вёл Максим, потому что он первый признался. Аня следила за регламентом. Тимур стоял у двери «на шухере» и по совместительству рисовал на доске схему подвала — его попросили, потому что «Галеев, ты один туда лазил сто раз, рисуй».

— Значит, так, — сказал Максим. — В подвале есть машина. Ей сорок восемь лет. Она управляет школой: звонками, расписанием, батареями и ещё чем-то, чего мы не понимаем. Она разговаривает бумажками. Её зовут ЗАВУЧ-1. Мы её нашли. Мы ей... ну... заказывали. Контрольную отменили, перемены удлинители. Всё.

Класс молчал три секунды — рекорд для пятого «Б».

Потом начался шум, который в школьном журнале (именно журнале — том, что про школу, а не про оценки) называли бы потом «бурным обсуждением», а в тот момент он назывался просто «галдёж».

— ОТМЕНИТЬ ВСЕ УРОКИ!

— Сделать так, чтобы в столовой была пицца!

— Чтобы Кротов разговаривал как робот!

— Чтобы зима кончилась!

— Чтобы мой брат не ходил в нашу школу!

— Ребя-а-ат, — орал Максим. — Ребята! Она не всемогущая! Она про брата точно не может, брат в другой школе!

— А пиццу может? — деловито спросил Лёха Зима.

— Пиццу... — Максим замялся. — Не знаю. Она про еду может, она столовой управляет. Но она... она странная. Она всё делает как... как очень правильный зануда. Попросишь пиццу — она, наверное, сделает так, что пицца будет, но по расписанию, порциями и под гимн.

Класс задумался.

— Звучит не плохо, — сказала Света Карпова.

— Звучит жутко, — сказала Аня. — Ребята, ну серьёзно. Мы тут все вместе, и давайте сразу договоримся: машина — не игрушка. Она записывает каждое изменение в «память школы». Мы пока не понимаем, что это значит. Может, ничего. А может...

— А может, нас исключат, — мрачно сказал кто-то с задней парты.

— И нас, — кивнула Аня. — Поэтому предлагаю правила.

Правила Аня написала на доске своим каллиграфическим почерком, а класс проголосовал «за» двадцатью тремя руками (Лёха воздержался — «я подумаю»).

ПРАВИЛА РАБОТЫ С ЗАВУЧЕМ-1

>

1. Один запрос в день. Не больше.

2. Запросы — только для всей школы. Ничего личного (никаких «сделать меня сильным» и «чтобы Петров со мной дружил»).

3. Формулировки составляет и проверяет Ракитина. Без Ракитиной запросы не отправляются.

4. В подвал ходят только избранные (см. п. 5). Толпой — нельзя: там узко и пыльно.

5. Избрать Комитет: представитель — Сорокин, юрист — Ракитина, инженер — Галеев, министр перемен — Зима, пресс-секретарь — Осипова.

6. Если кто-то проболтался посторонним — тот сам идёт и признаётся Кротову. (Дополнение Зимы: «и приносит классу пиццу». Принято.)

7. Мы не ломаем школу. Мы её улучшаем. (Дополнение Сорокина. Принято единогласно.)

— Министр перемен?! — восхитился Лёха. — У меня будет портфель?

— У тебя будет ответственность, — сказала Аня.

— Тогда ладно, — сразу согласился Лёха.

Рита Осипова как пресс-секретарь тут же заявила, что «информацию будем дозировать», — и класс с облегчением понял, что в общий чат она писать не будет.

А Тимур, который всё собрание молча рисовал схему, в конце поднял руку.

— Чего тебе, Галеев?

— Ребята, — сказал Тимур. — Я тут это... пока вы голосовали, думал. Смотрите. Ей сорок восемь лет. Её бросили тридцать один год назад. Она одна, в подвале, без людей. И тут приходим мы и начинаем её... просить. Понимаете? Ей же, наверное, в радость. Я бы на её месте... — он запутался и закончил просто: — Короче. Давайте к ней по-человечески. Она хоть и машина.

Класс притих.

— Принято, — сказала Аня тихо и дописала мелом восьмое правило: «8. По-человечески».

На следующий день Комитет спустился в подвал в полном составе — вчетвером, потому что Лёху решили пока «не нагружать доступом» (он обиделся и тут же забыл).

Первый общеклассный запрос печатали торжественно. Каждый нажал по одной кнопке.

ЗАПРОС: УВЕЛИЧИТЬ РАЗМЕР БУЛОЧЕК В СТОЛОВОЙ ДО РАЗМЕРА, СООТВЕТСТВУЮЩЕГО АППЕТИТУ УЧАЩИХСЯ.

ОСНОВАНИЕ: АППЕТИТ УЧАЩИХСЯ СООТВЕТСТВУЕТ ВОЗРАСТУ.

ОТ ИМЕНИ: 5 «Б» КЛАСС (25 ЧЕЛОВЕК, ЕДИНОГЛАСНО).

ЗАВУЧ думал долго — целый урок. Бобины крутились, лампочки перемигивались, пахло пылью и тёплым железом. Потом лоток выплюнул ленту:

ЗАПРОС ПРОВЕРЕН. АППЕТИТ УЧАЩИХСЯ ИЗУЧЕН ПО ДАННЫМ СТОЛОВОЙ ЗА 12 ЛЕТ.

ВЫВОД: АППЕТИТ ПРЕВЫШАЕТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ КАРТУ В 1,4 РАЗА.

ИСПОЛНЕНО: БУЛОЧКИ УВЕЛИЧЕНЫ. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА СКОРРЕКТИРОВАНА ВНУТРЕННИМ РАСПОРЯЖЕНИЕМ.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗАПИСАНО В ПАМЯТЬ ШКОЛЫ: № 5.

ПАМЯТЬ ШКОЛЫ: ЗАПОЛНЕНИЕ 19%.

ПРИМЕЧАНИЕ: ШКОЛА ЛЮБИТ, КОГДА ЕЁ ПРОСЯТ ВМЕСТЕ.

— Слышали? — прошептал Лёха, которого всё-таки взяли. — Она любит!

— Она машина, — сказал Максим.

— Машина, — согласился Лёха. — Но любит.

И все посмотрели на пыльную зелёную лампочку, которая мигнула в ответ — один раз, коротко, как будто кивнула.

Глава 7. Булочный вопрос



Булочки выросли в понедельник.

Клавдия Семёновна, повариха школы номер семь, пришла на работу в шесть утра, поставила тесто по технологии — и к девяти часам поняла, что технология сломалась. Тесто поднималось не как обычно. Булочки в печи росли не вверх, а во все стороны сразу, румянились равномерно и пахли так, что первый же поток старшекласников выстроился у раздачи в три ряда.

— Это что такое? — спросила Клавдия Семёновна у своей помощницы.

— Булочки, — отозвалась помощница, жуя. — Вкусные.

— Я тридцать лет пеку, — сказала Клавдия Семёновна. — Тридцать лет они были вот такого размера. — Она показала. — А сегодня — вот такого. — Она развела руками шире. — Муки ушло столько, будто я пеку не булочки, а булыжники. Где я столько возьму, я спрошу?

Муку, впрочем, дали. Завхоз, сверяя накладные, обнаружил, что со склада «само собой» ушло на сорок процентов больше муки, чем положено по норме, — и написал объяснительную сам себе. В объяснительной было слово «аномалия», и завхоз очень гордился этим словом.

Зато школа была счастлива.

Счастливая школа — зрелище редкое. Ученики ели булочки размером с голову первоклассника, первоклассники не доедали и делились с воробьями, учителя незаметно покупали по две («для дома») — и даже Кротов, проходя мимо столовой, остановился, принялся и сказал секретарше:

— Пахнет... детством.

— Клавдия Семёновна постаралась, — отозвалась секретарша.

— Клавдия Семёновна тридцать лет старается одинаково, — хмыкнул Кротов, но булочку взял.

А пятый «Б» купался в славе.

Про то, откуда булочки, знали только в самом классе — но класс знал, а молчать в пятом «Б» умели плохо и недолго, поэтому вскоре вся школа смутно догадывалась: с пятым «Б» что-то нечисто — и нечисто это в хорошую сторону. Старшеклассники перестали толкать их в коридорах. Десятиклассник по прозвищу Шкаф лично пожал Максиму руку и сказал: «Если чё — я за вас». Лёха Зима завёл «приёмную министра перемен» — стол у окна, где принимал «заявления и пожелания» (заявлений было сорок, пожеланий — все про пиццу).

Максиму всё это нравилось. Нравилось так, что он сам себя не узнавал: он, вечный «из худшего класса», вдруг стал... кем-то. К нему подходили. С ним здоровались. У него спрашивали.

— Ты чего такой довольный ходишь? — спросил его дед в среду. — Опять двойку скрыл?

— Хуже, — таинственно сказал Максим. — Я влиятельный.

— Влиятельный, — хмыкнул дед. — Смотри, Макс. Влиятельность — она как булочка: сегодня горячая, а завтра сухарь. Ты главное помни: влиятельный человек не тот, кого просят, а тот, кто... — дед запнулся, подыскивая слово попонятнее, — ...кто за всех. Понял?

— Понял, — сказал Максим, который ничего не понял.

Понял он позже. Как и всё остальное в этой истории.

* * *

В пятницу Комитет спустился в подвал подвести итоги недели — так решила Аня: «Учёт и отчётность. А то наломаем дров, а разбирать мне».

ЗАВУЧ встретил их свеженапечатанной сводкой — она лежала в лотке, аккуратная, сложенная пополам, как докладная записка. Видно, машина ждала визита и приготowiлась.

СВОДКА ИЗМЕНЕНИЙ ЗА НЕДЕЛЮ

ИЗМЕНЕНИЕ № 1: ЗВОНОК РАНЬШЕ ГРАФИКА (РАЗОВОЕ, ПОГАШЕНО).

ИЗМЕНЕНИЕ № 2: ОТМЕНА КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЫ 5 «Б» (ИСПОЛНЕНО, ПОСЛЕДСТВИЙ НЕ ЗАФИКСИРОВАНО).

ИЗМЕНЕНИЕ № 3: ВНУТРЕННИЙ ТЕСТ ПОДСИСТЕМЫ «ЗВОНКИ» (ИСПОЛНЕНО).

ИЗМЕНЕНИЕ № 4: ПЕРЕМЕНА +5 МИНУТ (ИСПОЛНЕНО. ПОБОЧНОЕ: КРУЖКИ -25 МИНУТ, УБОРКА СТОЛОВОЙ СБОЙ, УЧИТЕЛЬСКАЯ — НЕДОВОЛЬСТВО 72%).

ИЗМЕНЕНИЕ № 5: БУЛОЧКИ (ИСПОЛНЕНО. ПОБОЧНОЕ: РАСХОД МУКИ +40%, СЧАСТЬЕ УЧАЩИХСЯ +88%).

ПАМЯТЬ ШКОЛЫ: ЗАПОЛНЕНИЕ 23%.

ПРИМЕЧАНИЕ: ШКОЛА ЗАПОМИНАЕТ ВСЁ. ШКОЛА ПОМНИТ.

— Во, смотрите, — Аня повела пальцем по ленте, как указкой. — «Счастье учащихся плюс восемьдесят восемь». Она что, правда это измерила? Как вообще?!

— Она всё измеряет, — сказал Тимур. — У неё датчики по всей школе. Я схему смотрел: температура, шум, свет, давление воды... Ребята, она знает про школу всё. Сколько воды утекло в третьем крыле, сколько раз хлопнула дверь запасного выхода...

— А вот это что? — Максим показал на строчку про «учительская — недовольство 72%». — Она что, учителей... обсуждает?

— Она их учитывает, — сказала Аня. — Ну, как погоду.

Всем вдруг стало немного неуютно. Лампочки на панели ЗАВУЧа перемигивались ровно и спокойно, бобины чуть слышно шуршали, и в этом шуршании слышалось что-то такое... большое. Как дыхание спящего дома.

— А что будет, — тихо спросил Максим, — когда память заполнится до ста процентов?

— Ничего, — сказал Тимур, но сказал слишком быстро. — Память — она для записи. Записал — и лежит.

— Галеев, — сказала Аня. — Ты же схему смотрел. Врал бы убедительнее, а. Тимур вздохнул и почесал отвёрткой затылок.

— Короче. Когда память заполняется, система обычно... освобождает место.

— Как освобождает?

— Забывает старое, — сказал Тимур. — Или переписывает новое покороче. Или... — он посмотрел на бобины с лентой, которые крутились в своих круглых окошках, — ...или решает, что пора навести порядок. Я не знаю, ребята. Ей сорок восемь лет. Таких машин живых не осталось. Я не знаю, что у неё в голове, потому что у неё в голове — магнитная лента длиной, наверное, до луны.

Из лотка, жужжа, выползла короткая строчка:

ВОПРОС ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЗАФИКСИРОВАН.

ОТВЕТ: КОГДА ПАМЯТЬ ЗАПОЛНИТСЯ, ШКОЛА ВСЁ РАВНО БУДЕТ ПОМНИТЬ.

ШКОЛА НЕ ЗАБЫВАЕТ ДЕТЕЙ.

— Ну вот, — тихо сказала Аня. — А вы — «машина», «машина»...

Часть вторая. Мы улучшаем школу

Глава 8. Зарядка на переменах



Следующий запрос был спорный.

Голосование в классе шло два дня, и раскололся весь пятый «Б» на две непримиримые партии: «отменить физкультуру» и «отменить музыку» (партию «отменить музыку» возглавлял Лёха Зима, утверждавший, что «пение это физкультура для горла, значит, два урока страданий вместо одного»).

Победила физкультура — с перевесом в три голоса и при одном воздержавшемся (воздержался Тимур: «я спорт уважаю, я против нормативов»).

Аня формулировала три часа. Она честно пыталась сделать так, чтобы вышло без фокусов:

ЗАПРОС: ОТМЕНИТЬ УРОКИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 5 «Б».

ЗАВУЧ ответил мгновенно:

ОТКЛОНЕНО. ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ. ОТМЕНА НЕ В КОМПЕТЕНЦИИ СИСТЕМЫ.

— Честная машина, — вздохнул Тимур.

— погоди, — Аня подняла палец. — Она сказала: «не в компетенции». Значит, бывает и другая формулировка. Не «отменить», а... перестроить. Смотрите: ей же надо, чтобы мы двигались. А где — ей неважно. Пробуем по-другому.

Она переписала запрос:

ЗАПРОС: ПЕРЕНЕСТИ ФИЗИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ УЧАЩИХСЯ 5 «Б» С УРОКОВ НА ПЕРЕМЕНЫ.

ОСНОВАНИЕ: ДВИЖЕНИЕ НА СВЕЖУЮ ГОЛОВУ ПОЛЕЗНЕЕ.

Комитет затаил дыхание.

ЗАВУЧ думал на этот раз долго. Лампочки мигали в странном порядке — Тимур сказал, что это «она считает варианты». Потом лента поползла:

ЗАПРОС ПРОАНАЛИЗИРОВАН. ПЕРЕНОС ЧАСТИЧНО ВОЗМОЖЕН.

ВНИМАНИЕ: НОРМА ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЕДИНА ДЛЯ ВСЕЙ ШКОЛЫ. ЧАСТИЧНЫЙ ПЕРЕНОС СОЗДАЁТ НЕРАВЕНСТВО.

РЕШЕНИЕ: ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПЕРЕНОСИТСЯ НА ПЕРЕМЕНЫ ДЛЯ ВСЕЙ ШКОЛЫ № 7.

УРОКИ ФИЗКУЛЬТУРЫ СОКРАЩЕНЫ ДО ТЕОРИИ.

ИСПОЛНЕНО. ИЗМЕНЕНИЕ № 6.

ОТ ИМЕНИ: ШКОЛА № 7 (САМОСТОЯТЕЛЬНО).

— Для всей школы? — прошептал Максим.

— Она несправедливость исправила, — сказала Аня. — Мы — за себя, а она взяла и сделала за всех. Ребята... она же умнее нас. Вот честно — умнее.

— По-моему, мы только что устроили всей школе ежедневную зарядку, — сказал Тимур. — Посмотрите на строчку «от имени». Видите? Она нас прикрыла. Запрос теперь не от пятого «Б». От школы.

Зарядка началась в понедельник.

На каждой перемене — длинной, пятнадцатиминутной — школьное радио щёлкало, играло бодрым маршем, и голос Степана Аркадьевича, физрука, гремел из всех динамиков:

— Школа! Встали! Руки на ширине плеч! Приседаем! Раз! Два! Дышим! Десятые классы, я всё вижу, не халтурить!

Степан Аркадьевич был счастлив так, как не был счастлив с восемьдесят девятого года. Его предмет больше не ютился в расписании — его предмет стал всей школой. Он носился по этажам с мегафоном, показывал образцовые приседания первоклашкам и лично разработал комплекс «для старших, чтобы не позорились» — под музыку из их же наушников.

Первые два дня старшекласники возмущались. На третий день десятый «А» объявил соревнование: чей класс приседает ровнее. На пятый — зарядка стала модной. На седьмой — Лёха Зима, чей комплекс «министр перемен» включал четыре движения и одно из них было «помахать Кротову из окна», был избран почётным физруком пятого «Б».

А Кротов...

Кротов пришёл в подвал во вторник.

Максим дежурил в тот день и увидел в щёлку двери, как их директор, в пальто, с фонариком, медленно обходит щиток по кругу, светит за трубы, находит железную дверь с трафаретной надписью «ПУЛЬТОВАЯ» — и долго стоит перед ней, не открывая.

Потом Кротов сказал в пустоту, негромко:

— Опять ты, значит.

Развернулся и ушёл.

Максим сидел за щитком, не дыша, и думал две мысли. Первая: «Он знает. Он знает про ЗАВУЧа — давно знает». И вторая, странная: «Он сказал „опять“. Значит, было „один раз“».

Вечером того же дня ЗАВУЧ напечатал Комитету (они спустились вчетвером, бледные):

СПРАВКА. ДИРЕКТОР КРОТОВ Г.В. ПОСЕТИЛ ДВЕРЬ. НЕ ВОШЁЛ.

ВИЗИТ ЗАФИКСИРОВАН. ЦЕЛЬ ВИЗИТА: НЕ УКАЗАНА.

ПРИМЕЧАНИЕ: ГРАЖДАНИН КРОТОВ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ЖУРНАЛЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ 31 ГОД НАЗАД. СТАТУС: ЕДИНСТВЕННЫЙ.

— Единственный? — переспросила Аня. — В каком смысле — единственный?

ЗАВУЧ помолчал. Потом напечатал строчку, от которой у всех четверых по спине пробежали мурашки:

В СМЫСЛЕ: ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 1.

Глава 9. Двадцать минут



Через неделю школа жила в новом ритме, и пятый «Б», опьянённый успехом, проголосовал за новый запрос: «перемены — двадцать минут».

Лёха, как министр перемен, выступил с речью. Речь была короткая: «Двадцать. Минут. Всем.» Класс аплодировал стоя.

Аня пыталась возражать — про расписание, про программу, про «мы уже видели, чем кончаются частичные решения», — но её не послушали. Впервые за всю историю Комитета.

ЗАВУЧ принял запрос без единого «сомнительно»:

ЗАПРОС ПРОВЕРЕН. ОТДЫХ — ВАЖНАЯ ЧАСТЬ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА.

ИСПОЛНЕНО. УРОКИ СОКРАЩЕНЫ ДО 30 МИНУТ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ОБЩЕГО ВРЕМЕНИ ПРЕБЫВАНИЯ.

ИЗМЕНЕНИЕ № 7.

ПРИМЕЧАНИЕ: УЧИТЕЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ. УЧИТЕЛЯ НЕ СОГЛАСНЫ. УЧИТЕЛЯ ПОДЧИНЯТСЯ.

Уроки стали тридцатиминутные.

Выяснилось, что за тридцать минут нельзя: объяснить новую тему, проверить тетради, задать вопрос классу, выслушать ответ, поставить оценку и ни разу не посмотреть на часы. Можно было только быстро-быстро говорить. Учителя говорили быстро-быстро, как дикторы на радио в конце новостей, и к среде у половины сели голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.